

В. А. Мазиллов

Творческая личность, культура, война: пейзаж после начала битвы

Статья посвящена обсуждению проблемы творчества в широком социокультурном контексте. В статье констатируется, что проблема творчества в современной психологии трактуется упрощенно, в результате чего вскрыть глубинные механизмы творчества не удается.

Кроме того, само творчество оказывается принципиально обедненным, так как получается, что интимно-личностные процессы оказываются не представленными в разработанных моделях. В итоге мы лишены возможности понимать процесс творчества во всей его полноте. В противовес таким упрощенным представлениям в настоящей статье разрабатывается концепция, согласно которой трудности в творческом процессе проистекают не из невозможности осуществить догадку, но, напротив, для того, чтобы догадаться, необходимо вначале преодолеть заблуждение. Преодоление заблуждений представляет собой сложный личностный процесс, связанный с перестройкой опыта. Такие представления позволили разработать классификацию трудностей в процессе решения творческих задач. Это, в свою очередь, дало возможность ранжировать задачи по степени их сложности для решающего и по степени представленности собственно творческих компонентов. Процессы творчества анализировались в социокультурном контексте, в частности, в связи с мировой войной. Констатируется, что фактор мировой войны привел к существенной деструкции творчества. Анализируются изменения в культурном ландшафте Европы в связи с войной. В статье анализируются различные позиции в связи с неизбежностью войны и возможностями культуры в противостоянии войне.

Ключевые слова: творчество, творческая личность, творческое мышление, война, культура, культурный ландшафт, традиция.

V. A. Mazilov

A Creative Person, Culture, War: a Landscape after the Battle Started

The article is devoted to the discussion of the problem of creativity in a wide sociocultural context. In the article it is noted that the creativity problem in modern psychology is treated in a simple way and that is why it is impossible to reveal deep mechanisms of creativity.

Besides, creativity is essentially poor as it turns out that intimate and personal processes are not presented in the developed models. As a result we are deprived of a possibility to understand the process of creativity in all its completeness. In opposition to such simplified representations in the present article the concept according to which difficulties in the creative process appear not from impossibility to carry out a guess, but, on the contrary, in order to guess it is necessary to overcome delusion in the beginning. Overcoming of delusions seems to be a difficult personal process connected with reorganization of experience. Such representations allowed to develop a classification of difficulties in the process of the solution of creative tasks. It in its turn gave a chance to arrange problems according to the degree of their complexity for the one who is solving and due to the degree of representation of actually creative components. Processes of creativity were analyzed in the sociocultural context, in particular, in connection with the world war. It is noted that the factor of the world war led to essential destruction of creativity. Changes in the cultural landscape of Europe in connection with the war are analyzed. In the article various positions in connection with inevitability of the war and opportunities of culture in opposition to the war are analyzed.

Keywords: creativity, a creative person, creative thinking, a war, culture, a cultural landscape, a tradition.

И все же мы осмеливаемся утверждать: все, что способствует культурному развитию, работает также и против войны.

3. Фрейд

Сколько истины может вынести дух, на какую степень истины он отваживается? Это становилось для меня все больше и больше мерилом ценности. Заблуждение (вера в идеал) не слепота, заблуждение – трусость. Всякое достижение, всякий шаг вперед в познании вытекают из мужества, из жесткости по отношению к себе, из чистоплотности по отношению к себе.

Ф. Ницше

«Благодаря неожиданным успехам науки девятнадцатое столетие подпало какому-то рассудочному головокружению. Все, казалось, рабски покоряется власти интеллекта. Каждый день, каждый час мировой истории приносили известия о новых завоеваниях научного духа; укрощались все новые и новые, непокорные дотоле стихии земного пространства и времени; высоты и бездны раскрывали свои тайны планомерно испытующему любопытству вооруженного зора человеческого; повсюду анархия уступала место

организации, хаос – воле расчетливого рассудка. Почему бы, при этих условиях, не взять было верх земному разуму над анархическими инстинктами в крови человека, не поставить на место разнуданные первобытные влечения? Ведь вся главнейшая работа в этой области давно уже проделана, и если время от времени и вспыхивает еще что-то в крови современного, «образованного» человека, то это всего только бледные, немощные зарницы отгремевшей грозы, последние содрогания старого умирающего зверя», – так характеризует Стефан Цвейг положение дел в Европе на рубеже веков [13, с. 4]. Торжество разума... Трудно представить, что торжество разума может допустить страшную бойню в просвещенной Европе...

В настоящее время не только творчество и духовность представляют объект для психологического исследования (что естественно и тривиально), но и творчество (и особенно духовность) представляют собой существенную проблему для психологии, причем такую проблему, которую в современных условиях решить чрезвычайно непросто: на самом деле в рамках традиционной общей психологии для духовности «места» вообще не предусмотрено, а творчество сводится чаще всего к элементарной «нетривиальности» в принятии того или иного решения. На наш взгляд, это означает, в первую очередь, слабость общей психологии. Общая психология должна обеспечивать «рабочие пространства» для изучения основных психологических проблем. И, если, скажем, духовность вообще не предусмотрена в качестве «измерения» психических явлений, то это, в первую очередь, проблема того учения, которое выступает в качестве общей психологии, то есть той концепции, которая создает исследовательские пространства и способы понимания психического в целом и его отдельных проявлений, в частности.

Впрочем, оставим общую психологию и обратимся непосредственно к психологии творчества и психологии творческой личности. Здесь тоже ощущается явное неблагополучие. И проявляется оно, на наш взгляд, в том, что в психологических исследованиях моделируется не творчество как таковое, а нечто «похожее». В результате получается продукт класса *light*, то есть своего рода концепция *creativity light*. Если в сфере кулинарии это просто похоже на настоящий продукт, но не так вкусно, то в науке это, конечно, тоже похоже, но, к сожалению, критически приближает-

ся к другому слову, также обозначающему «облегченность», – *lightweight*. Это слово имеет обидный, как представляется, и плохо совместимый со статусом научности вариант перевода на русский язык как «поверхностный», «несерьезный». Тем не менее, слово найдено. Итак, мы утверждаем, что существующая психологическая трактовка творчества поверхностна и несерьезна.

Творчество как таковое в психологии изучают чрезвычайно редко. Заметим, кстати, что в этих редких случаях получаются удивительные результаты. К обсуждению этих результатов мы еще вернемся, а пока обратим внимание на то, что в качестве модели, на которой исследуется в психологии творческое мышление, выступают так называемые задачи «на соображение», «на догадку». «Аналогия» с настоящим творчеством, конечно, очевидна – и случай Архимеда, и случай Ньютона это подтверждают: решение приходит внезапно путем инсайта. То есть, если выражаться предельно просто, ситуация выглядит так: решение всегда элементарно, только надо догадаться. Догадаться – значит, решить. Однако зададимся вопросом: неужели в творчестве все так просто? Где место «мукам творчества», если счастливая догадка приводит к успеху моментально?

Упрощенный подход к творческому мышлению проявляется в том, что творчество часто рассматривают поверхностно, полагая, что «творческий» означает нестандартный, нетривиальный, необычный. Действительно, внешняя сторона творческого поведения может быть описана таким образом, но не следует упускать из виду, что существуют внутренние психологические механизмы творческого поведения, которые также должны быть раскрыты. Нельзя же всерьез считать творческим подход к деятельности человека, не овладевшего еще как следует нормативным способом деятельности, но желающего проявлять творческую индивидуальность...

На наш взгляд, принципиально важным моментом при изучении психологии творчества, при его моделировании и особенно при проектировании обучающих программ является указание на то, что центральным звеном в творческом процессе является преодоление заблуждения, неадекватного исходного знания (часто неявного), то есть в той или иной форме корректировка структур субъективного опыта [7, 8]. Это утверждение нуждается в дополнительном пояснении.

Считается, что адекватной моделью творчества является решение задач-головоломок, так на-

зываемых «малых творческих задач», задач на соображение. Психологические исследования показывают, что наиболее существенная трудность в творческом мыслительном процессе заключается не в нахождении правильной гипотезы, идеи решения, как часто полагают, а именно в преодолении заблуждения, зафиксированного в исходном неявном знании, в структурах субъективного опыта. Поскольку самой существенной трудностью в творческом процессе является преодоление заблуждения, корректировка структур субъективного опыта, то при обучении творчеству акцент должен быть сделан именно на этом. При проектировании обучающих программ полезно учесть, что в творческом процессе возможно построение типологии проблем, связанной со структурами субъективного опыта, которые по своему происхождению могут быть индивидуальными (то есть сформированными в результате опыта взаимодействия индивида с окружающим миром) и «коллективными» (сформированными в результате усвоения общественного опыта).

Представляется целесообразным выделение следующих типов трудностей в творческом процессе. Наиболее простыми (первый тип) окажутся трудности, связанные с актуализацией нерелевантных ситуаций структур субъективного опыта. Проблема в этом случае с легкостью может быть разрешена, когда субъект актуализирует структуры опыта, соответствующие ситуации. Многие задачи-головоломки представляют для решающего именно такую трудность.

Второй тип трудностей: неадекватны (содержат элемент заблуждения) актуализируемые субъектом структуры опыта, но на другом уровне структур субъективного опыта решающий задачу располагает адекватным знанием и, таким образом, корректировка структур опыта, преодоление заблуждения и, как следствие, решение проблемы) достигается за счет происходящего по ходу мыслительного процесса взаимодействия структур субъективного опыта разного уровня.

Третий тип трудностей можно наблюдать в тех случаях, когда адекватными структурами субъект не располагает вовсе, поэтому корректировка структур опыта может произойти лишь в результате продуктивного мыслительного процесса (творческое мышление в точном смысле этого слова).

И, наконец, четвертый тип: адекватных структур опыта не существует вообще (ни для субъекта, решающего задачу, ни для социума), поэтому

происходящая в продуктивном процессе корректировка структур опыта приводит к преодолению заблуждения и формированию нового знания как для субъекта, так и для общества (так называемое «большое творчество»). Здесь становится понятно, что этот процесс порой может занимать годы, уходящие не на бесплодные поиски идеи, а на преодоление тех представлений, которые делают невозможной формулировку нужной гипотезы...

Обещанный выше пример изучения собственно творчества можно найти у классика психологии скандинавского ученого Лайоша Секея. Л. Секей предпринимает попытку соединить традиции гештальтпсихологии с положениями психоанализа и генетическими концепциями Жана Пиаже и Джерома Брунера. При этом сохраняется традиционная проблематика гештальтпсихологии. Ставится задача объяснить переструктурирование мыслительного содержания, в результате которого достигается решение задачи. Наиболее интересной представляется работа Л. Секея «Творческая пауза» (1968) [15], посвященная выяснению центрального момента в творческом мышлении – зарождения новой идеи, приводящей к открытию, нахождению решения задачи. По Секею, во время творческой паузы актуализируется различный опыт и анализируется в общем мыслительном поле, не связанные между собой по времени и по смыслу мысли и впечатления приводятся в соприкосновение [15, s. 149]. Процесс мышления во время творческой паузы протекает на ином уровне организации, нежели сознательный процесс. Вместо недостаточно определенного понятия прошлый опыт используется понятие репрезентация, заимствованное у Джерома Брунера. Репрезентация, по Секею, гипотетическая структура, с помощью которой человек организует опыт для будущего употребления. Это структуры, которые организуются и строятся в раннем детстве на основе впечатлений об окружающем мире и соматических ощущений. Во время сознательной работы с проблемой зона поиска способа решения определяется через знания о причинно-следственных структурах действительности, во время паузы учет рациональных возможностей отступает на задний план, зона поиска меняется на инфантильные области репрезентации [15, s. 167]. Изучение мыслительного процесса во время творческой паузы происходит с помощью сеансов психоанализа.

лиза, на которых, в частности, проводится аналитическое толкование сновидений.

В случае (который подробно анализируется в цитируемой статье) с инженером Тэта, работающим над кристаллографической проблемой, нахождению решения препятствуют инфантильные конфликты. Мышление оказывается втянутым в сферу инфантильных конфликтов, и лишь психоаналитическая проработка конфликта приводит к тому, что мышление освобождается и становится способным двигаться дальше [15, s. 166].

Таким образом, творческое мышление, согласно Секею, не только включает действия и операции субъекта, но и представляет собой интимно-личностный процесс, непосредственно связанный с разрешением личностных конфликтов, имеющих сознательные и бессознательные фазы и протекающий на различных уровнях. Заметим, что фактически мышление, по Секею, включает в себя и рефлексивные компоненты (хотя сам термин автор не использует). Вероятно, можно считать, что гештальтпсихология (в лице Л. Секея), ассимилировав достижения психоанализа и генетических концепций Ж. Пиаже и Дж. Брунера, перестала существовать как самостоятельное научное направление. Показательно, что сам Секей в последних работах причисляет себя к сторонникам когнитивной психологии [15, s. 141].

Про подходы к исследованию творческой личности и говорить не хочется, так как чаще всего определяются корреляции между данными по тестам креативности, с одной стороны, и данными обследования по личностным опросникам – с другой. Понятно, что ни творчества, ни личности творца при таком подходе исследовать, по сути, не удастся. Но мы увлеклись творчеством и на время забыли про другой концепт – про войну... Перед тем как мы переключимся на войну, скажу, что все, кто окажутся героями нашей статьи, будут настоящими творческими личностями, внесшими несомненный вклад в сокровищницу мировой науки и культуры.

1914 год... Мировая война. Кровь. Ужас. Страдания... Отметим, что ничто не предвещало начала мировой бойни. Начало века, надежды. Расцвет науки, торжество культуры. Война может быть где-то далеко – в Африке, в Азии. Но никак не в просвещенной цветущей Европе.

Даже очень чувствительные люди, притом явно не чуждые мистики, не смогли понять и интерпретировать появляющиеся сигналы правильно. Предоставим слово Карлу Густаву Юнгу. «К

осени 1913 г. давление, которое я доголе ощущал как сугубо внутреннее, казалось, покинуло меня и как бы разлилось в воздухе. Я воспринимал окружающую атмосферу более мрачно, чем прежде. Мне чудилось, что чувство подавленности обусловлено уже не только психической ситуацией, но и состоянием окружающей действительности. Это ощущение постоянно усиливалось. В октябре, когда я путешествовал один, без близких, мне внезапно явилось поразительное видение: чудовищное наводнение, затопившее весь европейский Север и продвигавшееся от Северного моря к Альпам. Когда вода достигла Швейцарии, горы начали расти ввысь, чтобы спасти нашу страну. Я понимал, что происходит ужасающая катастрофа. Я видел могучие желтые волны с плавающими в них обломками цивилизации и телами тысяч и тысяч утопленников. Затем вся вода обратилась в кровь. Это видение длилось около часа. Я долго не мог прийти в себя; отвращение смешалось во мне с чувством стыда, вызванным моей слабостью. Через две недели видение повторилось в еще более выразительной и кровавой форме. Внутренний голос произнес: “Смотри на все это внимательно. Это вполне реально; именно так все и произойдет. Не сомневайся”. Той зимой кто-то спросил меня, что я думаю о мировых политических перспективах на ближайшее будущее. Я ответил, что специально не размышлял на данную тему, но видел реки крови. Поначалу я спрашивал себя, не означают ли эти видения революцию; но по существу мне не удавалось вообразить себе ничего подобного. В конечном счете мне осталось только сделать вывод, что они всецело являются моим собственным порождением, то есть что надо мной нависла угроза психоза. Мысль о войне вообще не приходила мне в голову» [14, с. 182–183]

«Несколько позднее, весной и ранним летом 1914 г. – точнее говоря, в апреле, мае и июне, – мне трижды приснился сон о том, как в разгар лета накатила волна арктического холода и покрыла землю льдом. В частности, я видел, что вся Лотарингия, с ее каналами, покрылась льдом и обезлюдела. Вся растительность была уничтожена холодом. В третьем сне страшный холод ударил снова, на этот раз из космоса. Этот сон, однако же, имел неожиданную концовку. Я увидел зеленое дерево без плодов (я сразу же подумал о своем древе жизни), листья которого под действием мороза превратились в сладкие гроздья, наполненные целебным соком. Я сорвал их и

дал огромной жаждающей толпе. В конце июля 1914 г. я получил приглашение в Абердин, на конгресс, организованный Британской Медицинской Ассоциацией; там мне предстояло выступить с докладом на тему “О значении бессознательного в психопатологии”. Я был подготовлен к тому, что надвигаются некие события, поскольку видения и сны, подобные моим, обязательно содержат в себе роковой элемент. В моем тогдашнем душевном состоянии, преследуемый страхами, я усматривал действие рока в том, что именно теперь мне предстояло говорить о важности бессознательного. Первого августа разразилась мировая война. Теперь моя задача стала ясна: мне предстояло понять, что произошло и до какой степени мой собственный опыт совпадает с опытом человечества в целом. Значит, моя первоочередная обязанность состояла в исследовании глубин собственной души» [14, с. 183–184]...

Война изменила все. Один из создателей психологии XX столетия Курт Левин (1890–1947) участвовал в военных действиях в качестве артиллериста, был награжден железным крестом. Гордон Олпорт позднее назовет Левина «возможно, самым оригинальным мыслителем XX в.» [10, с. 284]. Его первая научная публикация была связана с войной – она называлась «Военный ландшафт» [5].

Приехав на то место, где Левин был во время военных действий, служа в армии в годы Первой мировой войны, он обнаруживает, что тот же ландшафт воспринимается совершенно иначе. Уже здесь появляется идея психологической ситуации: нет просто местности, есть воспринятая определенным образом местность, оказывающая существенное влияние на наши действия. Ситуация военных действий структурирует ситуацию одним образом, мирный контекст – совершенно другим. Описание военного ландшафта очень напоминает позднейшие описания психологического поля – как всего, что существует для человека психологически (Левин говорит, в частности, о направленности ландшафта, граничной зоне, местах опасности, границе местности и т. д.). По сути, здесь намечается круг проблем, которые будут интересовать Курта Левина на протяжении всей жизни [6].

Но, возможно, самым страшным результатом начавшейся войны стало исчезновение культуры: единая европейская культура перестала существовать, вместо нее «появились» национальные

культуры, а их представители – недавние «властители дум» – стали предъявлять друг другу аргументы, достойные берлинской торговли зеленью...

Предоставим слово Борису Соломоновичу Бычковскому, философу, переводчику и издателю. В 1911 г. Б. С. Бычковский создает вдохновенный гимн науке: «Въ наше время вера въ науку стала единственной верой образованнаго человека. На ней покоятся все наши надежды, все наши упования. Нашъ разумъ освободился от оковъ метафизики, наше чувство проснулось от того глубокаго сна, въ которомъ его держали идолы стараго времени. Мы знаемъ, что мы со всехъ сторонъ окружены тайнами. И журчанье ручья, и шелестъ листьевъ, и плавающия надъ нашей головой облака, и небеса, усеянные звездами, – все это глубокия тайны, волнующия нашъ вечно вопрошающій разумъ. Глубокая тайна и жизнь наша и наше я, анализирующее, ищущее, порывающееея слиться съ бытиемъ. Но мы смеемся надъ безумцемъ, который среди белаго дня, при яркомъ свете науки, зажигаетъ тусклый фонарь средневековья и ищетъ могилы умершихъ боговъ. Мы говоримъ жрецамъ метафизики: разруште ваши капища, ибо ваши боги развенчаны, освободите путь для победоноснаго шествия науки. Раскройте страницы прошлаго, и оне вамъ расскажутъ чудную сказку. То сказка о томъ, какъ постепенно разрушались зданія религии и метафизики. Что осталось отъ этихъ великихъ творений разума и чувства? Что осталось отъ философии древнихъ, отъ исканий алхимиковъ? Почему такъ мало говорить нашему разуму и откровение абсолютнаго “я” Фихте и процессъ развития “абсолютнаго духа” Гегеля и Шеллинга? Где тотъ моралистъ, хотя бы изъ лагеря метафизики, который целикомъ безъ критики принимаетъ положения Критики практическаго разума? Почему тамъ мало психологовъ, вполне соглашающихся съ теориею познания Канта? А между темъ, отъ этихъ великихъ системъ насъ отделяетъ какая нибудь сотня летъ.

Мы, конечно, умеемъ ценить заслуги титановъ прошлаго. Мы знаемъ, что ихъ теории продуктъ определеннаго состоянія культуры. Вместе съ поэтомъ философомъ мы говоримъ: «Тамъ островъ могиль, молчаливый островъ, на немъ могила моея юности. Туда хочу я отнести вечно зеленеющий венокъ жизни» [1, с. 5–6].

«На чемъ, однако, основана наша вера въ науку? Где гарантия въ томъ, что научныя истины не

подвергнутся той же участи, коей уже подверглись метафизические и религиозные искания! Может быть, завтра нами будет осмеяно, поругано то, чему мы сегодня поклоняемся? Человечество снова начнет сизифову работу, и так без конца. Подобные сомнения, если бы они имели основание, в корне подтачивали бы всякую работу науки. Къ счастью, наука не боится катастроф, банкротства. Отъ этого ее защищают объективность ее метода, безличность ее творчества» [1, с. 6].

Но, оказывается, наука тоже боится катастроф. Наука боится войны, потому что война разрушает культуру. И в 1916 г. Б. С. Бычковский в предисловии к изданной им книге [3] пишет совсем другое: «Когда на полях брани грохочут орудия, сеющие смерть и разрушения, когда вопросы права отданы на суд не великой мировой совести, а разрешаются огнем и мечом, тогда трудно и наивно говорить об оскорблениях, наносимых великому духу творчества. Когда современные Атиллы, упоенные жаждой крови, расстреливают женщин и детей, разрушают великие памятники искусства, творят ужасы, перед которыми бледнеют мрачные подвиги средневековья, тогда не время апеллировать к заветам культуры и цивилизации. В такие моменты было бы более целесообразно и более разумно глашатаям истины временно замолкнуть, борцам за великие идеалы всечеловеческого братства отойти на время в сторону, пока угаснет ненависть, заснет проснувшийся в человеке зверь и люди вновь востокуют по любви. К великому прискорбию, власть мрака подчинила себе самих носителей света, и мы присутствуем при постыдном зрелище. В кровавое столкновение народов вовлечены выдающиеся представители науки, философии, искусства. Они сорвались с общих высот творчества, разбрелись по сторонам и, бросив друг другу вызов, разорвали великие хартии, еще вчера святые для каждого из них» [3, с. 3–4].

«Предлагаемый нами читателю сборник статей, под которыми значатся всеми чтимые имена, ярко иллюстрирует упадочное состояние умов.

Вожди германской мысли не останавливаются перед подлогом исторической правды, лишь бы умалить значение культуры благородной нации, столь богатой гениями мысли и чувства, начертавшей первой на своем знамени волшебные слова: «Свобода, Равенство и Братство». А энтузиасты французы в пылу полемики не видят зияющей пропасти, отдаляющей вдохновенных творцов идеалистической философии, мягкого,

проникнутого религиозной настроенностью романтического искусства, этих страстных искателей правды, тосковавших по вечном, вневременном, от господ Бернгарди, Вильгельмов, предводителей диких орд, дерзнувших в век расцвета гуманитарных наук провозгласить примат грубой силы над правом, духа разрушающего над духом созидующим.

Мир лежит теперь во зле и весь он обогрен кровью. Такова воля истории. Будущие поколения с ужасом отвернутся от години несчастья и позора. Они дадут беспристрастную оценку ролей каждого из действующих лиц разыгрываемой мировой трагедии. Но они вынесут суровый приговор и над теми, кто оторвал от двуединой правды (правды-истины и правды-справедливости) правду-справедливость, кто отягчил великое преступление века новым преступлением» [3, с. 5].

Б. С. Бычковский, конечно, прав. Это нельзя назвать приятным чтением.

Итак, Вильгельм Вундт, создатель научной психологии. Хотелось бы ограничиться цитатами из Б. С. Бычковского, но все же обратимся к некоторым высказываниям Вильгельма Вундта (1832–1920) – создателя научной психологии.

«Самое тяжелое и большое для нас в этой войне это то, что нам главным образом приходится воевать с родственной нам по крови Англией. Пусть современная Англия изменилась к худшему в духовном отношении в сравнении со старой Англией, но все же эта страна осталась родственной нам и по духу. Какое дело нам до бельгийцев, ослепленных и примкнувших к этой войне, чтобы доказать пред лицом всего мира свою неспособность вести существование самостоятельного государства?» [3, с. 20]

Достается и А. Бергсону, будущему нобелевскому лауреату. «Что нам до того, что г. Анри Бергсон, которого в Германии ни один серьезный философ никогда не считал философом, называет нас варварами. Ведь мы знаем, что этот философ позаимствовал от нас, варваров, те из своих мыслей, которые имеют некоторую ценность, придав им мишурный блеск своих фраз, чтобы ложно объявить их новым, самостоятельным открытием» [3, с. 21].

Достается и России. «А Россия? Что могли мы ожидать от государства, неспособного вести свою страну вперед по пути культуры, от государства, которое видит свою задачу в притеснении подчиненных ей культурных народов? Было

ясно, что это государство соблазнится обещанием своих западных друзей обогатить его на счет соседей, при новом дележе мира» [3, с. 21].

Дух народа проявляется в его философии. «Конечно, не в философии, созданной страной, а в философии, утвердившейся и господствующей в стране. Все мы смотрим с уважением и благодарностью на великих английских философов прошлого. Бэкон и Локк, Беркли, Юм для нас не чужие, а свои, так же, как и великие английские естествоведы и историки. Но популярная философия, господствующая теперь в Англии, не есть философия упомянутых великих людей. Мораль, которой Англия проникнута целиком, начиная с государственного деятеля и кончая нефилософствующим купцом, есть мораль пользы, или же, называя ее многозначным термином, есть мораль благополучия. Бентам, знаменитый английский юрист прошлого столетия, является самым верным философ-теоретиком этой морали пользы. «Пусть каждый поступает так, как ему выгодно, так гласит основная аксиома этой морали» [3, с. 24].

Какая культура может быть в России? По Вундту, «со времен Петра Великого Россия видела свою задачу в том, чтобы приобщать свои варварские земли к западно-европейской культуре. Она стремилась разрешать эту задачу при помощи немцев. Немецкие государственные люди большею частью направляли ее политику. Немецкие офицеры обучали ее армию. В области науки она большей частью обязана своими знаниями немецким ученым. Петроградская Академия еще недавно была Немецкой академией, Немецкий Дерптский университет был важнейшей русской высшей школой. За последние десятилетия Россия все более и более изменяла своим великим историческим задачам. Слепленная панславизмом, она превратилась в полную противоположность себе. Теперь Россия написала на своем знамени не цивилизование своих варварских земель, а варваризацию культуры» [3, с. 37]... Представляется, достаточно...

Необходимо коснуться взглядов на войну известного отечественного мыслителя Н. А. Морозова. В 1915 г. Морозов становится корреспондентом газеты «Русские ведомости». В качестве делегата Всероссийского земского союза помощи больным и раненым Николай Александрович летает на аэроплане на передовые позиции, рассказывает об увиденном и делится раздумьями о месте и роли войн в развитии человечества. Статьи Н. А. Морозова в «Русских веде-

мостях» составили книгу «На войне. Рассказы и размышления». Пг.: Изд-во Б. С. Бычковского, 1916. Обратим внимание на то, что издателем выступил хорошо нам знакомый Б. С. Бычковский.

Новый век, в который ученый вступил еще в Шлиссельбурге, представляется ему веком неограниченных возможностей в области науки и производства. После долговременной изоляции, отрыва от открытий Новейшего времени он был по-своему потрясен достижениями научной мысли рубежа веков. Отныне весь ход мировой цивилизации мыслился ученым-энциклопедистом под знаменем науки, под ее предводительством. Подобный взгляд на науку, как способную обновить общественную и культурную жизнь, преобразить человеческие отношения, был весьма характерен для многих либералов на рубеже веков и в начале XX в. [11].

Морозов верил, что наука способна сама по себе воздействовать на общество, обновляя его, независимо от того, в каких социально-политических условиях она развивается, в чьих руках находится. В традициях русской демократической мысли было признание приоритета нравственного начала в общественной жизни. Недооценка роли нравственности как самостоятельного фактора общественного развития ощущается в восприятии Морозовым некоторых событий современной истории [11]. Так, в англо-бургской войне (1899–1902) симпатии шлиссельбургского узника оказались на стороне Британской империи, вытеснявшей из Южной Африки республики Трансвааль и Оранжевое Свободное государство, основанные голландцами. Николай Александрович посчитал, что в интересах цивилизации в Южной Африке должна господствовать новая «прогрессивная и предприимчивая» английская раса, а не «патриархальная и довольно-таки невежественная раса старинных голландских переселенцев». Здесь Морозов разошелся с большей частью русского общества, демонстрировавшей сочувствие бурам [11].

Морозов не раз оговаривается, что он пишет не столько о современной войне, сколько «об общих социологических вопросах с нею связанных», которые пытается решать «научно-беспристрастно». Чувствуется, что эти проблемы давно занимали его, а война лишь дала толчок к обобщениям, помогла сделать более определенными выводы из многолетних наблюдений. Николай Александрович не скрывает своего отвра-

щения к войне – кровавой бойне, которая есть, по его определению, «массовый психоз». Он показывает, как война приучает к неоправданной подчас жестокости, развивая звериные инстинкты. Война, в восприятии Морозова, – ненормальное, противоестественное состояние для человека. Характерным примером такой противоестественности выступает его встреча с женщиной-авиатором, сбрасывающей бомбы. Он искренне признается в том страхе, который испытывал, попав под артиллерийский обстрел, как и в боязни оказаться в плену. Обращая внимание на то, как в новом веке совершенствуются орудия истребления, Морозов не питает иллюзий, что это само по себе сделает войну невозможной. Статьи Морозова в либеральных «Русских ведомостях» близки по своей тональности и терминологии «Несвоевременным мыслям» о войне М. Горького в социал-демократической газете «Новая жизнь».

Горький пишет о «кровавом кошмаре» войны, озверении и безумстве воюющих сторон, пагубном влиянии войны на духовную жизнь общества. «Искусство возбуждает жажду крови, убийства, разрушения; наука, изнасилованная милитаризмом, покорно служит массовому уничтожению людей». «Эта война – самоубийство Европы!», – восклицает Горький, призывая к прекращению мировой бойни. У Морозова в книге «На войне», по сути антимилитаристской, вывод иной – продолжать войну с Германией до победного конца. Здесь он, расходясь с Горьким, более близок к Г. В. Плеханову [11, с. 429].

Война, как хорошо известно, расколола социал-демократию на «пораженцев» и «оборонцев». В. И. Ленин, обличая несправедливый, захватнический характер войны для обеих воюющих сторон, призывал превратить империалистическую войну в гражданскую. В противоположность Ленину, утверждавшему, что у пролетариата нет отечества, Плеханов, ссылаясь на К. Маркса, доказывал право каждого народа на защиту от нападения. Победа Германии, по убеждению Плеханова, отдала бы революцию в Европе и в России. Разойдясь с большинством социал-демократов (не только большевики, но и часть меньшевиков оказалась против него), Георгий Валентинович отношением к войне оказался во многом близок некоторым из своих давних идейных противников. Сходство с его позицией обозначилось у анархиста П. А. Кропоткина и «новоиспеченного» кадета Морозова, с которым у

Плеханова в пору кризиса в «Земле и воле», а затем в эмиграции обнаруживалась полная несовместимость. Взгляды на эту войну, ворвавшуюся в судьбу каждого из бывших соратников, причудливым образом сближаются и расходятся, отражая сложное и противоречивое восприятие ее современниками. Кропоткин и Морозов, настроенные достаточно антимилитаристски, считали участие России в войне 1914 г. необходимым и неизбежным. Оба выступали против пораженческих настроений – за победу над Германией, которой отводили главную, руководящую роль в вооружении Европы и в развязывании войны. Для Кропоткина, как и для Плеханова, победа Германии – угроза европейской революции. Он – как Плеханов и В. И. Ленин, связывает причины войны со стремлением буржуазии к новым рынкам, к новым территориальным захватам, с самим существованием капитализма [11, с. 430]. Для Морозова растущий и крепнувший германский милитаризм – главная угроза европейской цивилизации и европейским демократическим свободам. Он говорит о возможности германской агрессии прервать «великую эволюционную роль европейского капитала» и развитие европейских стран к социализму. Основную причину войны Морозов, в отличие от В. И. Ленина и Г. В. Плеханова, отказывается видеть в стремлении буржуазии воюющих стран к новым рынкам, к переделу мира. Он доказывает, что капиталисты не могут быть заинтересованы в войне, поскольку сами страдают от нее: вызывая падение финансов, сужение рынков сбыта, война в первую очередь разоряет именно их. Причины возникновения войн Морозов усматривает в психофизической природе человечества, в основе которой – социальный эгоизм. Преобладающий в природе человека, он и вызывает непрерывную борьбу за существование, конкуренцию и соперничество, которые приводят к войнам. Но, признавая всеобщий характер конкуренции и борьбы во всех общественных сферах, Морозов, по сути, приходит к тем же социально-экономическим и политическим причинам войн, которые отрицает [11, с. 431]. Как иначе могут выразиться конкуренция и борьба за существование капиталистов, достигнув своей кульминации, если не в войнах? Морозов же упорно подчеркивает, что психический фактор – «в основе всех форм социальной жизни», что не экономический строй определяет психику, а напротив, психика масс лежит в осно-

ве государственного и социально-экономического устройства.

Опираясь на Дарвина, Морозов доказывает, что эгоизм в человеческой природе путем естественного отбора со временем ослабляется, вытесняясь альтруистическими побуждениями. Важную роль в этом процессе он отводит войнам, в которых постепенно уничтожаются носители эгоизма. Войны, в его представлении, являются естественным фактором эволюции, способствуя совершенствованию остающихся после них людей [11]. Дарвин в своей теории естественного отбора обосновывал улучшение вида в ходе борьбы за существование выживанием наиболее сильных и жизнеспособных особей. Николай Александрович обходит вопрос о том, почему после войны, истребляющей часть человечества, должны остаться наиболее пригодные для совершенствования его представители. Не логичнее ли считать, что война не делает различия между носителями эгоизма и альтруизма, в ней участвующими. Эволюционную функцию войн Морозов считает законченной – она уже «истребила и ослабила первичный животный эгоизм». В XX в. войны «наносит человечеству одни бесполезные раны, возбуждая разрушительные страсти». Представители альтруизма, по его наблюдению, численно уже намного превышают носителей эгоистической энергии. К последним можно применять на этой стадии развития чисто идейные воспитательные методы. Заслоном для войн могут стать укрупненные союзы государств – своеобразные Соединенные Штаты Европы. Николай Александрович не первый пытался дать естественнонаучное объяснение общественно-политическим стремлениям, в том числе войнам. До него еще более полно и обоснованно это было сделано П. А. Кропоткиным, в свою очередь опиравшимся на работы ряда русских мыслителей 60–70-х гг., уже поставивших такую проблему (Н. Д. Ножин, А. Н. Бекетов, Н. К. Михайловский и др.). Они по-иному, нетрадиционно, прочитали Ч. Дарвина, усмотрев в его учении не только идею о борьбе за существование, но и указание на зачатки взаимопомощи у живых организмов, и приняли это во внимание [11, с. 432].

Опираясь на Ч. Дарвина и собственные исследования естествоиспытателя, а также обращаясь к истории человечества, которое считал частью природы, Кропоткин доказывал, что природе человека свойственны те же инстинкты, что гос-

подствуют в животном мире. Это инстинкты взаимопомощи и солидарности, которые помогли человечеству выжить и развиваться. Именно их, в отличие от Морозова, он считал главенствующими. Задавленные социальным и государственным гнетом инстинкты взаимопомощи, лежащие в основе нравственности, все более ясно, по наблюдению Кропоткина, обнаруживаются и в будущем будут определять развитие человечества – без войн и революций. Как видно, каждый из ученых в своем естественнонаучном объяснении психофизической природы человека допустил определенную односторонность, принимая во внимание преимущественно один признак этой природы как главный и первенствующий. К тому же, сосредоточившись на естественноорганических, психофизических факторах развития человечества, которые почти не принимались во внимание современной общественно-политической наукой, и Морозов, и Кропоткин, в свою очередь, недостаточно учитывали социально-экономические факторы прогресса. Однако симптоматично, что, рассуждая каждый «от противного», идя разными путями, они приходят к сходным выводам о развитии человечества в будущем [11]. В противоположность Кропоткину Морозов, исходивший из эгоистической природы человека, по сути, уже полагает ее вполне преобразованной для дальнейшего преобладания в ней альтруистических побуждений. Его главный вывод о войне состоит в том, что она становится только злом, лишеным смысла, и потому обречена на исчезновение. Война «освободила зародыши новых великодушных чувств в человеческой душе, которые могут совершать дальнейшую эволюцию человечества и без потоков человеческой крови и целого океана страданий» [9, с. 149].

В 1931 г. европейские интеллектуалы издали книгу «Открытые письма», в которой обсуждались важнейшие проблемы современности. Альберту Эйнштейну было поручено подготовить второй том издания. В июле 1932 г. Эйнштейн послал письмо Фрейду с просьбой изложить свои мысли по вопросу: «Есть ли какой-то путь, чтобы освободить человечество от роковой опасности войны?» В том же письме он спрашивал: «Есть ли возможность так направить психическое развитие людей, чтобы выработать у них сопротивляемость к психозам ненависти и уничтожения?» В сентябре 1932 г. Фрейд закончил свое эссе.

«Из психологических характерных черт культуры две представляются мне наиболее важными: усиление интеллекта, который начинает подчинять себе жизнь влечений, и перемещение склонности к агрессии вовнутрь осознающей себя личности со всеми вытекающими отсюда преимуществами и опасностями. Психические установки, на которые настраивает нас культурно-исторический процесс, вступают в самое кричащее противоречие с войной, и уже поэтому мы должны ненавидеть войну, мы просто не можем больше ее выносить, и в данном случае это уже не только интеллектуальное или эмоциональное отталкивание, у нас, пацифистов, война вызывает физическое отвращение, своего рода идиосинкразию в самой крайней форме... И в то же время кажется, что эстетическое безобразие войны подталкивает нас к ненависти почти в такой же степени, как и ее ужасы» [12, с. 337]. «Как долго еще придется нам ждать, пока и другие станут пацифистами? Этого нельзя предсказать, но, возможно, это не такая уж утопическая надежда, и под воздействием обоих факторов, влияния культуры и оправданного страха перед последствиями будущей войны, еще в обозримое время будет положен конец войнам, на каких путях или окольных дорогах это произойдет, мы не можем пока предвидеть. И все же мы осмеливаемся утверждать: все, что способствует культурному развитию, работает также и против войны» [12, с. 337].

Библиографический список

1. Бычковский, Б. С. Современная философия: Проблема материи и энергии [Текст] / Б. С. Бычковский. – М., 1911. – 312 с.
2. Бычковский, Б. С. К русскому изданию [Текст] / Б. С. Бычковский // Вильгельм Вундт. Карл Лампрехт. Анри Бергсон. Эрнест Леру. Две культуры (К философии нынешней войны). – Петроград: Издание Б. С. Бычковского, 1916. – С. 3–5.
3. Вильгельм, Вундт. Карл Лампрехт. Анри Бергсон. Эрнест Леру. Две культуры (К философии нынешней войны) [Текст] / Вундт Вильгельм. – Петроград: Издание Б. С. Бычковского, 1916. – 169 с.
4. Горький, М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре [Текст] / М. Горький. – М., 1990. – С. 84–85.
5. Левин, К. Динамическая психология. Избранные труды [Текст] / К. Левин. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
6. Леонтьев, Д. А., Патяева, Е. В. Курт Левин – методолог научной психологии [Текст] / Д. А. Леонтьев, Е. В. Патяева // Динамическая психология. Избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – С. 3–20.

7. Мазиллов, В. А. Решение творческих мыслительных задач: соотношение знания и мышления [Текст] / В. А. Мазиллов // Психологические исследования интеллекта и творчества : материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина., ИПРАН, 7–8 октября 2010 г. – М.: Институт психологии РАН, 2010. – С. 30–32.

8. Мазиллов, В. А. Проблема творческого мышления в гештальтпсихологии: эволюция подходов [Текст] / В. А. Мазиллов // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации : материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина., ИПРАН, 7–8 октября 2010 г. – М.: Институт психологии РАН, 2010. – С. 46–54

9. Морозов, Н. А. На войне. Рассказы и размышления» [Текст] / Н. А. Морозов. – Пг.: Изд-во Б. С. Бычковского, 1916. – 356 с.

10. Олпорт, Г. Личность в психологии [Текст] / Г. Олпорт. – М.: КСП+, СПб.: Ювента, 1998. – 345 с.

11. Твардовская, В. А. Николай Морозов в конце пути: наука против насилия [Текст] / В. А. Твардовская // Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. – М., Наука, 2003. – С. 407–547

12. Фрейд, З. Неизбежна ли война? Письмо Альберту Эйнштейну [Текст] / З. Фрейд // З. Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия. – М.: Прогресс, 1992. – С. 325–338.

13. Цвейг, С. Зигмунд Фрейд [Текст] / С. Цвейг // З. Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия. – М.: Прогресс, 1992. – С. 3–87.

14. Юнг, К. Г. Воспоминания. Сны. Размышления [Текст] / К. Г. Юнг // К. Г. Юнг Дух и жизнь. – Киев: Практика, 1996. – С. 7–369.

15. Szekely L. Die Schöpferische Pause // Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976, s. 140–170.

Bibliograficheskij spisok

1. Bychkovskij, B. S. Sovremennaya filosofiya: Problema materii i ehnergii [Tekst] / B. S. Bychkovskij. – M., 1911. – 312 s.
2. Bychkovskij, B. S. K russkomu izdaniyu [Tekst] / B. S. Bychkovskij // Vil'gel'm Vundt. Karl Lamprekht. Anri Bergson. EHrnest Leru. Dve kul'tury (K filosofii nyneshnej vojny). – Petrograd: Izdanie B. S. Bychkovskogo, 1916. – S. 3–5.
3. Vil'gel'm, Vundt. Karl Lamprekht. Anri Bergson. EHrnest Leru. Dve kul'tury (K filosofii nyneshnej vojny) [Tekst] / Vundt Vil'gel'm. – Petrograd: Izdanie B. S. Bychkovskogo, 1916. – 169 s.
4. Gor'kij, M. Nesvoevremennye mysli. Zametki o revolyutsii i kul'ture [Tekst] / M. Gor'kij. – M., 1990. – S. 84–85.

5. Levin, K. Dinamicheskaya psikhologiya. Izbrannye trudy [Tekst] / K. Levin. – M.: Smysl, 2001. – 572 s.
6. Leont'ev, D. A., Patyaeva, E. V. Kurt Levin – metodolog nauchnoj psikhologii [Tekst] / D. A. Leont'ev, E. V. Patyaeva // Dinamicheskaya psikhologiya. Izbrannye trudy. – M.: Smysl, 2001. – S. 3–20.
7. Mazilov, V. A. Reshenie tvorcheskikh myslitel'nykh zadach: sootnoshenie znaniya i myshleniya [Tekst] / V. A. Mazilov // Psikhologicheskie issledovaniya intellekta i tvorchestva : materialy nauchnoj konferentsii, posvyashhennoj pamyati YA. A. Ponomareva i V. N. Druzhinina., IPRAN, 7–8 oktyabrya 2010 g. – M.: Institut psikhologii RAN, 2010. – S. 30–32.
8. Mazilov, V. A. Problema tvorcheskogo myshleniya v geshtal'tsikhologii: ehvolyutsiya podkhodov [Tekst] / V. A. Mazilov // Psikhologiya intellekta i tvorchestva: Traditsii i innovatsii : materialy nauchnoj konferentsii, posvyashhennoj pamyati YA. A. Ponomareva i V. N. Druzhinina., IPRAN, 7–8 oktyabrya 2010 g. – M.: Institut psikhologii RAN, 2010. – S. 46–54
9. Morozov, N. A. Na vojne. Rasskazy i razmyshleniya» [Tekst] / N. A. Morozov. – Pg.: Izd-vo B. S. Bychkovskogo, 1916. – 356 s.
10. Olport, G. Lichnost' v psikhologii [Tekst] / G. Olport. – M.: KSP+; SPb: YUventa, 1998. – 345 s.
11. Tvardovskaya, V. A. Nikolaj Morozov v kontse puti: nauka protiv nasiliya [Tekst] / V. A. Tvardovskaya // Mirotvorchestvo v Rossii: TSerkov', politiki, mysliteli. – M., Nauka, 2003, s. 407–547
12. Frejd, Z. Neizbezhna li vojna? Pis'mo Al'bertu EHjnshtejnu [Tekst] / Z. Frejd // Z. Frejd. Po tu storonu printsipa udovol'stviya. – M.: Progress, 1992. – S. 325–338.
13. TSvejg, S. Zigmund Frejd [Tekst] / S. TSvejg // Z. Frejd. Po tu storonu printsipa udovol'stviya. – M.: Progress, 1992. – S. 3–87.
14. YUng, K. G. Vospominaniya. Sny. Razmyshleniya [Tekst] / K. G. YUng // K. G. YUng Dukh i zhizn'. – Kiev: Praktika, 1996. – S. 7–369.
15. Szekely L. Die Schöpferische Pause // Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976, s. 140–170.